

A bronze statue of two bearded saints standing under a large wooden cross. The saint on the left holds a book and a halo, while the one on the right has a halo and a staff. The statue is on a granite pedestal with a plaque.

101 ПОЭТ XXI ВЕКА

Виктор
Кашкин

...
РОССИЯ
ДАЛЬШЕ
ЕНИСЕЯ

Виктор Михайлович Кашкин
Россия дальше Енисея
Серия «101 поэт XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57128068

*Россия дальше Енисея:
ISBN 978-5-00170-046-3*

Аннотация

В новой книге члена МГО Союза писателей России Виктора Кашкина публикуются наряду с известными, уже полюбившимися читательской аудитории произведениями, новые и малоизвестные стихи поэта.

Содержание

Научи покаянию, Господи!	6
Война. Моя ли это боль?	14
«Слова, что у меня в работе...»	14
«Фотографии близких...»	15
«Прямоугольные консервы...»	16
«Послевоенного подростка...»	17
«Скелет автобуса – наследие войны...»	18
«Как часто и даже тогда...»	20
«Смажем густо наши автоматы...»	21
России	22
«Признать бы мужество в себе...»	23
Письмо Егора	24
В Лианозовском парке	26
«Война...»	27
Четверостишия	28
«Чем слог короче, тем дороже...»	28
«Слова, слова... Откуда им случиться...»	29
«Глаза привыкнут к полутьме...»	30
«Товарищ жену проводил на гастроли...»	31
«Сколько раз мне себя умолять...»	32
«Измены горькая минута...»	33
«Чем дольше день...»	34
«Не говори мне: «Доброй ночи»...»	35

«А ты в романтику играла...»	36
«Хотя бы день такой, чтоб не соврать...»	37
«Устал. Не спится. В самом деле...»	38
«Во имя мира и спокойствия...»	39
«Ионы меди. Мне их не хватало...»	40
«Хирург, уролог и глазной...»	41
«На эскулапа не ворчи...»	42
«Помогут ли тебе врачи...»	43
«Что станется с моим спасением...»	44
«Мне повезло: я православный...»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Михайлович

Кашкин

Россия дальше Енисея

© Кашкин В.М., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

Научи покаянию, Господи!

Творчество талантливого русского православного поэта Виктора Кашкина знают многие читатели. А тот, кто впервые слышит это имя, – удивляется, почему до сих пор не был знаком с ним. А всё дело в том, что самая главная черта его характера – это удивительная скромность. Когда хвалишь стихи Виктора, то он как бы не слышит этого: стесняется, краснеет и не даёт никому сказать даже одного весомого слова о его стихотворениях.

Когда Виктор Кашкин начинает читать свои стихи, то его тихий, глубокий тембр голоса, всё усиливающийся, постепенно превращается вначале в ветер, а потом – в грозовую бурю... Его заслушиваешься, и вся окружающая обстановка исчезает. Остаются образы поэта, которые переносят нас в поэтическую атмосферу.

Новая книга поэта «Россия дальше Енисея» представляет собой, можно сказать, избранное. Она складывалась не спонтанно, а прошла тщательный отбор среди множества его стихов. Здесь стихотворения о молодости, связанной с воспоминаниями о войне, о любви, природе и стихотворения, почти похожие на молитвы: в них он философски осмысливает своё место в жизни с глубокой верой во Спасителя. Вот как поэт обращается к Родине в стихотворении «России»:

*Везёт, везёт тебе, родная,
На сыновей тебе везёт,
Пока судьба их фронтовая
Им шанс на мужество даёт.*

*Пока сверяет 45-й
Характер твоего бойца,
Пока отсчёт от этой даты
Ведёшь от первого лица.*

*Пока забывшимся иванам
И всем, не помнящим родства,
Не рукоплещешь по майданам,
Тусуясь там из озорства.*

Уважение к своей стране видно в каждом слове и сконцентрировано в двух последних строках: *«Не рукоплещешь по майданам, // Тусуясь там из озорства»*. А простой солдат Егор, защитник Родины, вот что пишет в письме матери: *«Меня навещают опять // Совсем не случайные сны, // Но чаще всех – Родина-мать // С плаката той самой войны. // Ты, мама, к Божнице идёшь, // Страдая, что сын на войне, // И ту из иконок берёшь, // Где всадник на белом коне»*.

Патриотизм Виктора Кашкина не трескучий, залихватский, а глубоко прочувствованный, до слёз. В таких тихих строках чувствуется сила поэта, выношенная трудными годами детства и осмысленная позже.

Война есть война. Но своими чувствами и мыслями о ней

автор уходит дальше: будит в нас более глубокое понимание того, что произошло со страной и людьми в те страшные годы:

Война.

Моя ли это боль?

Я с ней знаком по монументам,

Я принимал последний бой

По книжкам и по кинолентам.

Война.

Вот разве что салют

Накрыл нас залпами Победы.

Теперь о ней всё чаще врут

Не очевидцы, а поэты.

Война.

Я полагал, в расход

Её списали в сорок пятом.

Как нужен нынче этот год

Уставшим от войны ребятам.

Война.

Не мой ли это грех,

Что с ней ещё не поквитался?

Один за всех.

Один за всех.

За всех, кто на войне остался.

«Оставшимся», так же как и себе, Виктор Кашкин как бы завещает «прописные истины» православного человека:

*Заречёмся ли ненавидеть,
Раз уж следуем за Христом,
Всех, сподобился кто обидеть
Нас и в праздники, и постом,*

*Раз уж лучшего нет предлога,
Чтобы с краю и в стороне
Затерялась моя берлога
В ошалевшей от пуга стране.*

*Раз уж грешный (не смог иначе),
Припаду ко святым образам
И о русской юдоли заплачу,
И о тех, кто не верит слезам.*

В книге целый цикл стихотворений связан с религиозной тематикой, которая близка автору. К ним относятся: «Не уверен, что меня крестили...», «Читаю Библию как будто по складам...», «Много ли мне надо? Ручка да бумага...», «Заречёмся ли ненавидеть...», «Застряли звёзды юга...», «Как хорошо вчера на крестном ходе...», «Не знаю...», «Нас первородный грех отметил...», «Лампадка погасла...», «Научи покаянию, Господи...», «Кто из нас не калека...», «Господи мой, Боже...», «Когда же будет покаяние?..».

Вот как поэт говорит о том, что не страшны жизненные перипетии, если есть в сердце Бог: *«Вчерашнее чуть переживу цунами, // И завтрашней волне не помолюсь. // Не потому ли*

так самоуверен, // Что на Руси ещё в почёте Бог».

Есть в книге раздел «Четверостишия», который разнообразен по тематике, но и в них не даёт поэту покоя война:

*Надо – на колени встанем
Перед образом святым.
Ну а если враг достанет,
То уж точно, стоим.*

Но только с верой в Бога можно одолеть врага.

На мой взгляд, две большие темы – о любви и родной природе – открывает образное, тонкое стихотворение об ожившей тишине. Да, именно тишина, которой человеку не хватает или кажется, что её в избытке, приходит в сердце, приносит мир и спокойствие:

*Хотя бы ветку шелохнуло,
От тишины устал.
Она ко мне в окно шагнула
С дремавшего куста.*

*Она не то чтобы толкнула,
По-свойски подошла,
Черновики перевернула,
По комнате прошла.*

*Без шороха, без стука даже
Свалила вдруг графин*

*И лужицу в немом адажио
Сморазживала в блин.*

*Ей, тишине, не одиноко
Со мной наедине,
От холода раскрытых окон
Прижавшейся ко мне,*

*Снежинкой, падавшей на волосы.
Я нужен тишине,
Уставшей от истома голоса,
Подаренного мне.*

На таком же высоком поэтическом уровне написаны многие лирические стихотворения Виктора Кашкина. В них природа, без которой он не мыслит своего существования, оживает, становится близким другом поэта. Захватывают и такие стихи: «Всё недосуг наедине...», «Ты хочешь в Крым, где хор цикад...», «На подкове залива...», «Март. Замше-вельый запах прели...», «Мой март весёлый, как ручей...», «Апрельским утречком в лесу...», «На берегу, когда весна...», «Нет, погоды не пообещаю...», «И лодка даже чувствует весло...», «Не выдержу почерка строчки...», «Света белого не видим...», «Вольготно летом на природе...», «Радушным пёсым лаем...», «Где в синей колыбели...», «Сомнительное дело – отдых...», «Не сценки вакханалии...», «Опять сирень не распустилась...», «Сентябрь», «Осенние

этюды», «Предзимье», «Зимой леса, как в обороне...», «Ты знаешь, я не ловок в прозе...», «Замечу, русская природа...», «Мне странно видеть в декабре...».

Окунувшись в стихотворную стихию поэзии Виктора Кашкина, читатель найдёт что-то близкое своей душе в искренних, образных его стихах, навевающих нам прекрасные жизненные воспоминания.

Можно цитировать многие стихи поэта о любви как образцы высокой поэзии, но я осмелюсь привести в пример лишь одно из них, посвящённое Людмиле:

*Не выдержу почерка строчки,
Пока про тебя напишу,
Припомнив, как в белой сорочке
Давала ты грудь малышу,
Когда он старательным плачем
Тебя по ночам зазывал,
И мне выпадала удача
Подглядывать ваш ритуал:
Как чмокал губами сыночек,
Уткнувшись в сосуд с молоком,
Где жилка, связав узелочек,
Текла голубым ручейком,
Как месяц стоял у окошка,
И может, от этой «беды»
В то лето капризничал крошка,
Чей сон караулила ты.*

Я думаю, достаточно цитат! Читатель, взяв в руки эту книгу и прочтя её, получит огромное эстетическое наслаждение от общения с автором и его творчеством.

Остаётся пожелать поэту Виктору Кашкину в год его семидесятипятилетнего юбилея здоровья и духовных сил для осуществления задуманных творческих планов.

Юрий Богданов,

*Секретарь Правления Московской городской
организации Союза писателей России*

Война. Моя ли это боль?

«Слова, что у меня в работе...»

Слова, что у меня в работе,
Не зря настояны на поте,
Как слово жатвы – слово *хлеб*,
Когда в ладони острый серп.
Как слово жеста – *пантомима*,
Когда театр во власти мима.
Слова, что принял по наследству,
Не зря в блокноте по соседству.
Что знал бы я о нашей речи,
Не будь она их местом встречи,
Не молвь таких имён она,
Как слово памяти – *война*.
С войною рядом – *обелиск*,
А с обелиском – слово *Минск*,
Блокады слово – *Ленинград*
И слово мужества – *солдат*.

«Фотографии близких...»

Фотографии близких
В довоенных виньетках:
Не у всех обелиски,
Как ни помни о предках,
Ознакомленных летом
Сорок первого года
С самым жарким рассветом
В жизни нашего рода.

«Прямоугольные консервы...»

Прямоугольные консервы
Я жду в ленд-лизинговом пайке,
Пока отец мотает нервы
В борьбе с бандитами в тайге.

Я жду картофельных оладий,
Что мама бы ему пекла:
«С нуждою как-нибудь поладим,
Лишь весть бы от него была».

Я жду, как папин студебекер
Прижмётся к нашему крыльцу,
И жмых, мне заменивший крекер,
Как лакомство, отдам отцу.

«Послевоенного подростка...»

Послевоенного подростка,
Меня с авоськой требухи
В Москве и далее Подольска
Раскручивали на стихи
Под перебранку с матюгами
На городских колхозных рынках
В очередях за потрохами
Гражданки в ситцевых косынках.
И те дожди на огородах,
Когда мы, словно понарошке,
В дырявых щеголяли ботах,
Слоняясь в поисках картошки.
И голубятня, и приятель,
Что знал шпану на чердаках,
И фотоснимок о комбате
И им спасённых облаках
Строфы пернатую основой
Меня манили к высоте,
И высотой рождённым словом
Земной молился красоте,
И по законам королевства,
Где обитала детвора,
Играл в войну с друзьями детства
Послевоенного двора.

«Скелет автобуса – наследие войны...»

Скелет автобуса – наследие войны.
«Ты будешь за луну или за солнце?» —
На пустыре играют пацаны.
А всё же победили мы японца.

И помнится ещё: зимой вагон
Москва – Хабаровск. Мне четыре года.
На нижней полке караю сон,
Его мне видеть больно уж охота.

А вижу наш фанерный чемодан,
Не расстается с ним в командировках
Мой папа – милицейский капитан.
Ещё гляжу на дяденьку в наколках.

С портретов, что он ловко рисовал,
В военном кителе и маршальских погонах
Генералиссимус нас тоже узнавал,
Кочуя с нами по стране в вагонах.

Торопится в Москву моя семья
Так, что за ней не поспевает солнце.
Мне хочется сказать вождю, что я

Был за луну и победил японца.

«Как часто и даже тогда...»

Как часто и даже тогда,
Когда по ландшафтам неблизким
Качали меня поезда,
В пути узнавал обелиски.

Фрагменты, фрагменты страны,
Родного пейзажа приметы
Скупым силуэтом войны
Белели на вёрстах победы.

И этой победы дневник —
Пехотные стансы о доме —
В окопе сложил фронтовик,
Доверив их ротной гармонии.

Чтоб после, за сменой дат,
Уже далеко за войной
Догнали нас песни солдат,
Которых мы ждали домой.

«Смажем густо наши автоматы...»

Смажем густо наши автоматы,
Котелок и фляжку – старшине.
Если бы всегда в запас солдаты
Уходили, не служив войне.

Если бы всегда на марше роты,
Где шагали рядовыми мы,
Нашим песням на слова пехоты
Не служила музыка войны.

Если бы всегда могли солдаты
Верить сопредельной тишине
На границе,
 смазав автоматы
И навечно сдав их старшине.

России

Везёт, везёт тебе, родная,
На сыновей тебе везёт,
Пока судьба их фронтовая
Им шанс на мужество даёт.

Пока сверяет 45-й
Характер твоего бойца,
Пока отсчёт от этой даты
Ведёшь от первого лица.

Пока забывшимся иванам
И всем, не помнящим родства,
Не рукоплещешь по майданам,
Тусуясь там из озорства.

«Признать бы мужество в себе...»

Признать бы мужество в себе
Посмертно в орденах форсить,
Поверив фронтовой судьбе,
И от баталий не косить.

Война к войне, а ты живёшь,
И не попробовал шрапнели,
Её в гражданскую хлебнёшь,
Сняв одноклассника в прицеле.

Письмо Егора

Вы, мама, простите меня,
Что писем почти не пишу.
Я адрес войны поменял,
Теперь на кавказской служу.

Ты всё поминаешь Афган,
Где сына учили войне.
Теперь, защищая Коран,
Меня добивают в Чечне.

Теперь на родном рубеже
И мне, как в киношных романах,
Армейский поёт Беранже
Пехотные стансы о мамах.

Меня навещают опять
Совсем неслучайные сны,
Но чаще всех – Родина-мать
С плаката той самой войны.

Ты, мама, к Божнице идёшь,
Страдая, что сын на войне,
И ту из иконок берёшь,
Где всадник на белом коне.

Слепая пугливая ночь
Затылок ощупала мой.
Ты, мама, солдатская дочь,
Была ты солдату женой.

Теперь же солдатская мать,
Ты знаешь, припав к образам,
На мушку меня не поймать
Вспотевших прицелов глазам.

Я вижу твою, мам, свечу
В далёком родимом окне.
Домой, как Ягорий, хочу
Примчаться на белом коне.

В Лианозовском парке

Вечерний парк.

Дождит.

И вальс

«В лесу прифронтовом».

И никого здесь, кроме Вас,

Под зябнущим зонтом.

Мотив, что на войне служил,

Здесь накануне дня

Победы

Вас заморозил

И взволновал меня.

Для Вас – вдове другой войны —

Джазист играет вальс.

Всё дальше радость той весны,

Что в памяти у нас.

Вам с музыкантом повезло.

Что общего у вас?

Ему и Вам, и мне тепло,

Пока здесь этот вальс.

«Война...»

Война.

Моя ли это боль?

Я с ней знаком по монументам,

Я принимал последний бой

По книжкам и по кинолентам.

Война.

Вот разве что салют

Накрыл нас залпами Победы.

Теперь о ней всё чаще врут

Не очевидцы, а поэты.

Война.

Я полагал, в расход

Её списали в сорок пятом.

Как нужен нынче этот год

Уставшим от войны ребятам.

Война.

Не мой ли это грех,

Что с ней ещё не поквитался?

Один за всех.

Один за всех.

За всех, кто на войне остался.

Четверостишия

«Чем слог короче, тем дороже...»

Чем слог короче, тем дороже.
Не всякому спешу отдать строфу,
Которая не может,
Как длинный монолог, предать.

«Слова, слова... Откуда им случиться...»

Слова, слова... Откуда им случиться,
Как всеобщему шелесту дождя,
Что с улицы в окно мне постучится,
Для исповеди друга не найдя.

«Глаза привыкнут к полутьме...»

Глаза привыкнут к полутьме,
И к тишине привыкнут уши,
Но как к тебе привыкнуть мне,
Когда ты лампу в спальне тушишь.

«Товарищ жену проводил на гастроли...»

Товарищ жену проводил на гастроли,
А сердце разлуки никак не хотело.
Не рано ли мы репетируем роли,
В которых уже не ревнует Отелло?

«Сколько раз мне себя умолять...»

Сколько раз мне себя умолять
Привыкать не бояться разлуки
И привычек своих не менять,
Например, гладить вовремя брюки.

«Измены горькая минута...»

Измены горькая минута.
Курил... Не думал о вреде.
И верил... Мне, а не кому-то,
Удача выпала в беде.

«Чем дольше день...»

Чем дольше день,
Тем дарит вечер
Длиннее тень
Короткой встречи.

«Не говори мне: «Доброй ночи»...»

Не говори мне: «Доброй ночи».

Не принимаю доброты,

Коль доброта твоя не хочет,

Чтоб ночью этой стала ты.

«А ты в романтику играла...»

А ты в романтику играла
Среди надкусанных галет
На туристических привалах,
Где плавал дым от сигарет.

«Хотя бы день такой, чтоб не соврать...»

Хотя бы день такой, чтоб не соврать.
Ну так, по пустякам, на всякий случай.
Тогда, даст Бог, не сунется в кровать
Бессонница пружиною скрипучей.

«Устал. Не спится. В самом деле...»

Устал. Не спится. В самом деле
Пора в ночные сторожа.
И буду наконец при деле
У стен чужого гаража.

«Во имя мира и спокойствия...»

Во имя мира и спокойствия
Потуже пояс затяну,
Соседа ставя на довольствие
На всю гражданскую войну.

«Ионы меди. Мне их не хватало...»

Ионы меди. Мне их не хватало,
И вот намедни приобрёл браслет
На площади, где стрелка трёх вокзалов,
Чтоб навести в сосудах марафет.

«Хирург, уролог и глазной...»

Хирург, уролог и глазной,
Прививка против дифтерита.
Так в платной клинике блатной
Меня лечили от бронхита.

«На эскулапа не ворчи...»

На эскулапа не ворчи:
Такие наши годы,
Когда лечи нас не лечи —
Все хвори от погоды.

«Помогут ли тебе врачи...»

Помогут ли тебе врачи,
Когда молитва в коме
И тень погашенной свечи
Струится по иконе?

«Что станется с моим спасением...»

Что станется с моим спасением,
Когда Прощеным воскресением
Забуду Господа просить
Всех братьев во Христе простить?

«Мне повезло: я православный...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.